

Артур Жвинклис

Рига, Латвия

«ХОЛОКОСТ В ЛАТВИИ».
18-й ТОМ ТРУДОВ
ЛАТВИЙСКОЙ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ

Холокост для нашего народа и государства означает убийство десятков тысяч граждан Латвийской Республики с предварительным моральным и физическим унижением обреченных на смерть, объявлением их «недочеловеками», изгнанием из общества, особой стигматизацией, отправлением на принудительные работы и заключением в гетто. Убийству предшествовало и на всем его протяжении продолжалось неутраченное низменное оболгание и поношение евреев в прессе — кампания разжигания ненависти, подобной которой не было за всю историю латышской периодики. Так осыпаемые проклятиями от пуль настоящих не-людей умирали совершенно невинные мужчины, женщины и дети в Румбуле, Бикерниеки и в лесной глуши вблизи малых городов.

Полную политическую и юридическую ответственность за чудовищное преступление Холокоста несет нацистский оккупационный режим, но это никак не снимает и не умаляет ответственности непосредственных исполнителей и подстрекателей убийств, которая не имеет срока давности. Нам все же следует признать, что срока давности не будет и для моральной ответственности нашего народа за происшедшую трагедию. Мы не должны забывать, что заработанное рабским трудом узников гетто наполняло рижскую городскую казну, что имущество «переселенных или выдворенных жидов» (так назывались расстрелянные евреи в нацистской терминологии) распродалось на организованных «арийцами» аукционах и у покупателей не возникало чувства сомнения или неловкости, если можно было задешево приобрести платье или пальто, которые снимались с жертв перед расстрелом и складывались у края ямы, или детские игрушки, вырванные из ручек детей в последний миг их жизни. Бремя моральной ответственности не исчезнет и со сменой поколений, ее не погасит и замалчивание. Остается единственно праведный путь сожаления для выполнения долга нашей совести, идея по которому важно выяснить историческую правду о совершенном преступлении Холокоста. Этот труд уже на протяжении нескольких лет выполняет группа исследователей Холокоста в рамках Латвийской комиссии историков, и проведенные этой группой исследования недавно появилось в 18-м томе Латвийской комиссии историков¹.

В предисловии к изданию хабилитированный доктор истории, профессор А. Странга анализирует проведенные исследования Холокоста и меры по увековечиванию памяти жертв Холокоста. Статья профессора глубоко научно аргументирована и одновременно побуждает к дискуссии и размышлениям. Автор, основываясь на результатах исследования доктора истории Рудите Вискне, широко

¹Перевод с латышского Анатолия Лапковского.

рассматривает вопрос, часто встречающийся в историографии Холокоста: когда был получен приказ нацистского правительства о полном уничтожении евреев и являются ли ранние всеобъемлющие акции убийства в малых городах Латвии целенаправленным, продуманным и организованным распоряжением или инициативой местного командования немецкого СД? Сам А. Странга поддерживает мнение о местных инициативах, приводя в пример уничтожение евреев в Ауце² (с. 15). Одновременно автор также поддерживает точку зрения Р. Виксне, что эйнзацгруппы — специальные команды нацистских убийц — получили приказ о полном уничтожении уже в июне месяце (с. 16). В пользу аргументов Р. Виксне говорит весь ход событий в оккупированной нацистами Латвии — организованная антиеврейская кампания подстрекательства, быстрая организация объединения убийц в местных подразделениях СД и немедленное их включение в полное уничтожение евреев в малых городах Латвии.

Заслуженно большое внимание уделено в статье так называемому *interregnum* — периоду «междоцарствия» между советским и нацистским оккупационными режимами (с. 17—19); особо оценивается вклад академического исследования на эту тему историка Юриса Павловича. В этой связи необходимо сделать два дополнения.

Во-первых, такое широкое изложение проблемы «междоцарствия» несколько затеняет такую важную, но все еще не до конца выясненную проблему о количестве убитых латвийских евреев, которой отведено ничтожное место размером в полстроки в конце соответствующего раздела статьи (с. 21). То, что это количество в различных публикациях продолжает колебаться между 65 тыс. и менее 75 тыс., плохо, поскольку иногда напоминает торги на оптовой или мелкооптовой биржах. Для нас каждая загубленная жизнь во время Холокоста должна быть святой, и категорически неприемлем подход, при котором тысячи убитых людей — всего лишь манипулируемая статистика. В конце концов пришло время изучить документацию из Латвийского государственного архива об эвакуации в глубь СССР в начале войны. Хотелось также задать вопрос, переполнил ли чашу страданий и унижений евреев в первые дни нацистской оккупации такой интересный факт, что главный руководитель убийств евреев В. Шталеккер явился в Ригу только 3 июля, а не 1 июля (с. 19), а со своим местным помощником В. Арайсом встретился несколькими днями позднее?

Во-вторых, назначенный нацистами исполняющий обязанности префекта Даугавпилса Р. Блузманис уже с момента, когда он подписал приказ евреям собираться, несет не только моральную ответственность (с. 18), поскольку евреев собирали не для того, чтобы просто посмотреть на них или сообщить им что-то, а для того, чтобы отправить их в тюрьму. Даже если мы абстрагируемся от дальнейшего, что ожидало этих несчастных, противозаконное лишение свободы — уголовно наказуемое деяние, предусмотренное соответствующими статьями Уголовного уложения Латвийской Республики 1933 г. Действия Р. Блузманиса и подобных ему местных коллаборационистов уже в исследовании Холокоста проф. Андриевса Эзергайлуса ясно и однозначно рассматриваются как уголовные³.

Неоспоримо важны проведенные исторические исследования, касающиеся Саласпилского концентрационного лагеря. Поэтому, создавая мифы, необходимо помнить тех людей, которые умирали в Саласпилсе от холода и голода и что это был лагерь смерти. Хейнрих Стродс в своем исследовании указал, что в 1941—1942 гг. Саласпиле можно рассматривать как лагерь уничтожения (с. 20).

Выжившие были и в классических нацистских лагерях смерти, но это никак не меняло статус лагеря. Такие рассуждения или стремление без каких-либо комментариев и пояснений реставрировать название концлагеря в Саласпилсе, данное ему нацистскими властями, — не являются ли они невольной услугой недоброжелателям нашего народа и страны? Что бы мы в действительности сказали, если бы кто-то, ссылаясь на официальное название «исправительно-трудовой лагерь», стал бы сегодня публично заявлять, что сталинский ГУЛАГ представлял собой место перевоспитания трудом заключенных «контрреволюционеров» и там никто не умирал?

Необходимо полностью присоединиться к утверждениям в статье проф. А. Странги, что «трагедия еврейского народа должна стать частью исторической памяти и и исторического сознания всех жителей Латвии» (с. 22). Предлагаемая автором программа мер по сохранению памяти жертв Холокоста и просвещению молодежи должна превратиться в реальное руководство к действию. Это дело чести и достоинства нашего народа и государства. В сущности, нужно пробудить в нашем обществе чувства сострадания и сопереживания, толерантности и уважения к иному. Пора прекратить публично сужать трактовку нашего государства только как государства национального, ибо 18 ноября 1918 г. родилось и не исчезло в результате различных оккупаций государство народа Латвии, который составляет совокупность его граждан независимо от их национальности. Поэтому гражданин Латвийской Республики — латыш, русский, поляк или еврей — составная часть нашего народа, и убитые во время Холокоста также являются составной частью нашего народа. Поэтому должна быть поставлена точка в ежегодном ажиотаже 16 марта. Латышские легионеры не были никакими добровольцами СС и нацистами (за исключением тех немногих, которые добровольно запятнали свои руки кровью в «команде Арайса» или в составе какого-либо другого формирования убийц). Насильственно мобилизованные нацистами в оккупационную армию были жертвами, чьей трагедией была вынужденная служба за кусок хлеба тому бесчеловечному режиму, который породил Холокост. Поэтому надо прекратить дурить голову молодому поколению утверждениями, что латышские легионеры боролись за свободу латышского народа. Если бы Гитлер хотел отдать похищенную Сталиным свободу, он бы мог это сделать без всяких проблем уже в 1941 г., но он не собирался делать этого даже в 1945-м, поскольку легионеры были ему нужны только для поддержания его агонизирующей системы ценою жизни тысяч латышских воинов и страданий выживших.

Единственное замечание вызывает используемая в статье формулировка «окупированная немцами и русскими Латвия». Во-первых, Сталин и Берия не были русскими, а Гитлер был австрийским эмигрантом, и первые оба были убийцами как русских, так и грузин, а на совести последнего находятся все несчастья и позор немецкого народа в XX столетии. Во-вторых, какую вину можно возложить на прибалтийского немца, демократа Пауля Шимана, который в своей квартире прятал и вырвал из лап Холокоста Валентину Левенштейн, известную ныне как киновед В. Фреймане? А в чем вина попавшего в руки сталинских палачей, прежде чем «остальные русские» оккупировали Латвию, русского крестьянина Дмитрия Маслова, чтобы именем его народа называли режим? В-третьих, ни у одного народа нет коллективной ответственности за вину отдельных преступников или целого режима. У преступников конкретные имена и конкретно совер-

шенные преступления, и у них нет никакой связи с народом, из которого они вышли. Если мы справедливо просим относить этот принцип к латышскому народу, то таким же правом обладают и русские, и немцы, и евреи. Латвия была оккупирована, ее народ убивали и превращали в рабов, сменяя друг друга, сначала советский, потом нацистский, а потом снова советский режимы, а не немецкий или русский.

Небольшой по объему, но великолепно написанный и академически точно поданный очерк проф. Андриевса Эзергайлеса «Сведения о Холокосте в 1941 г.». Автор нашел публикацию американского журналиста Джозефа Грига, которая полностью опровергает существовавшее до сих пор мнение, что в мире узнали об убийствах евреев в Восточной Европе только в конце 1942 г. Совершенно исключено, чтобы в это время имевшие статус граждан нейтральной страны американские репортеры не интересовались бы и не собирали информацию в нацистской Германии о происходящем на оккупированных восточных территориях, и нельзя не согласиться с автором статьи, что этот существенный факт проигнорировали бы историки (с. 38). Теперь совершенно ясно, что западные демократии, по крайней мере верхние их эшелоны, были уже летом 1941 г. информированы, когда бойня евреев была в полном разгаре. Основываясь на этом источнике, А. Эзергайлес документально доказал, как родился миф нацистской пропаганды о латышах — главных убийцах евреев в Латвии. Статья содержит полный факсимильный текст на английском языке (с. 41) и его латышский перевод (с. 48). Здесь же можно узнать и первую официальную реакцию Латвийского государства на массовое убийство латвийских евреев, которую распространил его посол Альфред Билманис, выражая глубокое сожаление и возмущение. Это были не пустые слова стоящего в стороне дипломатического представителя нашего народа, что побудило его в конце своего письма написать: «Латыши могут быть свободными только тогда, когда свободны и евреи. После войны Латвия будет полностью демократической республикой с одинаковыми правами всех граждан и культурной автономией еврейского народа» (с. 48). Эти слова были сказаны для будущего и основаны на вере в историческую справедливость и восстановление законности. Здесь уместно будет заметить, что, в соответствии с буквой и духом международного права, Латвийскую Республику не могли ни отменить, ни прекратить ни советские, ни нацистские оккупанты, ни их местные прислужники — Верховный Совет Латвийской ССР, Совет народных комиссаров или латышское земельное самоуправление. Мнение латышского народа высказал этот дипломат, а не автор передовиц в нацистской газете “*Tēviņa*” А. Шилде, который радовался заключению рижских евреев в гетто.

Ценную работу проделал исследователь истории Иосиф Рочко, собрав воспоминания жителей окрестностей Илуксте о Холокосте. Благодаря его усилиям сохранены для потомков свидетельства очевидцев, которые вынужденно стали свидетелями страданий и ужасной смерти своих ближних. Как справедливо указывает автор статьи, мы не можем требовать у этих свидетелей сведений, что эти убийства были инициативой местных пособников нацистов или выполнением приказа начальства (с. 50). Следует добавить, что об этом спорят и дискутируют до сих пор в том же сборнике статей ученые-историки. Было бы абсурдно спрашивать у простых латышских, русских и польских крестьян, знали ли они или смогли бы распознать, в какие мундиры были одеты убийцы и стреляли они из автоматов или винтовок. Но академическому исследователю истории надо при-

нимать во внимание свидетельства и характеристики о местных убийцах, которые однозначно говорят о них как жестокосердных, злобных и исполненных ненависти людям с низким уровнем образования, которых на убийства толкали национализм, зависть и неприязнь к зажиточным евреям (с. 50). Прежде чем мы, поколение, которое, по счастью, не видело этих ужасов, умные теперь задним умом, судим и осуждаем своих родителей за то, что они стояли в стороне и наблюдали, нам надо внимательно прочитать статью школьного учителя истории И. Рочко, а затем подумать, что произнесенные слова «смерть еврея — моя боль» — это слова стоящего в стороне? (с. 49). А потом, если у нас хватит смелости, спросить себя: является ли боль сомалийца, избитого в центре Риги на глазах стоящего в стороне, нашей болью?

Читая вторую статью профессора А. Эзергайлеса, где он классифицировал и рассмотрел версии о Холокосте в Латвии, хочется воспринять ее как логическое продолжение в связи с опубликованной и рассмотренной здесь же его публикацией. В данном случае представляется, что составитель слишком строго придерживается порядка, когда доклады конференции строго отделены от разделов исследований, и было бы полезнее обе эти статьи поместить рядом. Рассматриваемые А. Эзергайлесом в статье советские пропагандистские версии заставляют задуматься о путях и причинах появления этих версий. Прежде всего советская пропаганда всеми силами старалась дискредитировать Латвийскую Республику, и особой костью в горле в этом смысле у нее был положительный опыт Латвийской Республики в отношении к национальным меньшинствам. Для достижения своей цели она безжалостно эксплуатировала образ так называемого латышского буржуазного националиста, который безусловно являлся «приспешником нацистов и убийцей евреев». Одновременно с этим, удовлетворяя свой советский антисемитизм, или антиссионизм, она лишала уничтоженных в Холокосте латвийских евреев их национальной идентичности, заявляя, что убитые являются «советскими гражданами», тем самым закрывая путь к какому бы то ни было исследованию причин Холокоста в оккупированной Латвии и парализуя попытки исследования массовых убийств в то время, когда были живы и свидетели, и сами убийцы. Страдания евреев и их смерть советскому режиму были безразличны, убитые служили только для циничной пропаганды, организованной по обе стороны «железного занавеса». Во-вторых, большую услугу советской пропаганде оказала и латышская эмиграция на Западе. За исключением социал-демократически ориентированных латышских кругов в Швеции и отдельных честных латышских интеллектуалов, которых можно было пересчитать на пальцах (первым в этом списке будет сам А. Эзергайлес, который в сущности побудил латвийских историков к изучению Холокоста), остальная часть латышская эмиграция в лучшем случае молчала о трагедии Холокоста и вовсе не собиралась отмежевываться от тех соотечественников, но совести которых лежал чудовищный грех убийства. Более того, укрывшись под знаменем «холодной войны», эти представители даже проникли на всевозможные должности в эмигрантских организациях, но вершиной всего было выдвижение пропагандиста убийств евреев А. Шилде на должность представителя Латвийской Республики в Федеративной Республике Германии⁴.

Сила фактов и эмоциональность характеризует исследование доктора истории Григория Смириня о судьбе рижских евреев во время нацистской оккупации. Автор статьи очень продуманно и выразительно использует свидетельства пере-

живших Холокост рижских евреев, подавая великолепный научный пример работы с источниками по Холокосту. Тем, кто считает, что о Холокосте пишут и говорят слишком много, обязательно следует прочитать эту статью. И они узнали бы, что в течение двух дней 30 ноября и 8 декабря 1941 г. в Румбуле работала до тех пор не выданная на латвийской земле машина смерти, уничтожившая 25 000 мужчин, женщин, детей и стариков, что по так называемому методу убийства Еккельна нацисты, для того чтобы полнее использовать вырытые заранее ямы, заставляли людей еще живыми ложиться на расстрелянных или агонизирующих с окровавленными телами и разбитыми головами людей в ожидании пули себе в затылок. И так ряд за рядом, пока яма не была заполнена (с. 97). Такой была культура Холокоста в Латвии. Однако преступления на этом не закончились. В статье выпукло показано, как летом 1944 г., пытаясь скрыть следы своих злодеяний, нацисты организовали рабочие команды, или «копорные пункты», куда отбирались еще живые и трудоспособные еврей-мужчины, и в окопах их заставляли разрывать общие могилы, выкапывать останки, собирать их в груды, а потом сжигать. Когда работа была выполнена, этих евреев убивали и сжигали на тех же кострах (с. 106). В конце статьи автор упомянул и спасителей евреев и кратко проследил судьбу убийц, с обоснованной горечью утверждая, что многим удалось избежать какой-либо ответственности за содеянное (с. 108). Единственное, в чем не хочу согласиться с Г. Смириним, — это то, что в монографии А. Эзергайлса судьба евреев занимает «довольное скромное место» (с. 83), поскольку благодаря специальной главе книги о расстреле евреев в Румбуле А. Эзергайлс такого упрека не заслужил.

Несколько исследований посвящены Холокосту в малых городках и волостях Латвии. Среди этих исследований высокую научную ценность имеет труд доктора истории Дзинтарса Эрглиса. Стоит только посмотреть следующие за статьей ссылки и комментарии (с. 210—212), и мы найдем там самую подробную историографию на тему Холокоста. Описывая Холокост в Крустпилсской волости, деревнях Пиенюты и Сманы, автор, опираясь на архивные документы, не только описал картину убийства, но и портреты убийц евреев, которые все были местными жителями.

Неоспорим также вклад в исследуемую тему, внесенный другими авторами, описавшими Холокост в Кулдиге (Айгарс Уртанс), Валдемарпилсе (Эва Трейге-Трейде, Эрик Прокопович, Андис Екабсонс), Елгаве (Андрис Томашун), в волостях Екабпилсского уезда и городке Виесите (Улдис Ласманис). Так, оценка в статье А. Уртанса роли лидера перконкрустовцев⁵ Г. Целминьша в некоторых событиях Холокоста позволяет более подробно рассмотреть связь латышского нацизма с непосредственным убийством евреев. Исследования Э. Трейге-Трейде, Э. Прокоповича и А. Екабсонса аргументированно показывают, что не всегда немецкие нацисты отнимали имущество евреев первыми, чаще местные стяжатели были ловчее и бесстыднее. Авторы правильно указывают, что при диктатуре К. Ульманиса не происходило физическое уничтожение политических противников (с. 144). Однако соответствующий комментарий содержит две существенные неточности (с. 158, ссылка 30). Во-первых, упомянутый так называемый закон Керенского от 2 августа 1917 г. не предусматривал смертную казнь, но разрешал военному министру и министру внутренних дел применять арест сроком на шесть месяцев к лицу, считавшемуся опасным для безопасности государства (широко использовался против коммунистов) или высылать указанное лицо из

страны⁶. Во-вторых, вызывает удивление утверждение в комментарии, полностью противоречащее основному тексту, что «большинство осужденных по политическим мотивам приговаривались к смертной казни. <...> Тем не менее к большей части смертная казнь не применялась», поскольку о таких «фактах» умалчивала даже советская историография. Указанное автором архивное дело раскрывает совсем другую картину. В нем мы читаем, что военный трибунал приговорил к смертной казни только троих человек, один из которых — Соломон Мурин — 31 января 1935 г. был осужден за принадлежность к коммунистической партии. Остальные двое — Ворслов Болеслав и Бондаренко Фабиан — были осуждены вовсе не за коммунистическую деятельность, а за шпионаж в пользу СССР. Ни один из этих приговоров не был приведен в исполнение, во всех трех случаях он был заменен на 15 лет каторжных работ⁷.

Обобщающий анализ исследований по Холокосту в малых городах Латвии сделала историк Рудите Виксне. На основе систематического продолжительного исследования исследовательница убедительно показала, что в малых городах жители неевреи в своем большинстве были более человечными, простые люди в Вентспилсе, Резекне, Смилтене в пределах своих скромных возможностей помогали евреям продуктами, поддерживали человеческие отношения со своими еврейскими соседями, за что подвергались нападкам со стороны местных нацистов и их утверждениям, что «жалующих жидов» все еще много (с. 223). В свою очередь найденный исследовательницей в российском архиве документ с приказом евреям Добеле убраться из центра города и «других населенных не жидами районов», содержал и список добельских евреев, благодаря которому мы узнали имена тех, кто через некоторое время лег в могилы жертв Холокоста (с. 224—225). Да, мы их этим из ям не подыдем и не воскресим, но память этих граждан Латвийской Республики отныне будет сохранена навечно.

Большую работу по выявлению имен жертв Холокоста проделал У. Ласманис. Он обобщил также сведения по исполнителям убийств из среды жителей волостей Екабпилского уезда. И все же необходимо одно уточнение. В статье о Холокосте в Виесите арест упомянутого там А. Сколникса был произведен соответствующим органом Народного комиссариата внутренних дел Латвийской ССР, а не учреждением Министерства внутренних дел. Также неправильно указана дата задержания А. Сколникса — его арестовали 24 августа, а не 20 августа 1944 г. (с. 246).

Сборник завершает раздел «Свидетельство переживших Холокост», где помещены фрагменты воспоминаний Эльмара Ривоша — талантливо написанных воспоминаний о Рижском гетто. Благодаря вложенному труду докторов истории Г. Смириня и Д. Эрглиса, подготовившим предисловие и комментарии, и прекрасному переводу Раймонда Каже появилась публикация выдающегося источника по истории Холокоста.

Этот сборник статей Латвийской комиссии историков займет достойное место в историографии Холокоста хотя бы потому, что все авторы сборника выполнили свою работу добросовестно и с чувством сопереживания, а это самое главное.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Holokausts Latvijā: Starptaut. konf. materiāli, 2004. g. 3.—4. jūn., Rīga, un 2004.—2005. g. pētījumi par holokaustu Latvijā. R., 2006. (Latv. vēsturnieku kom. r. 18. sēj.).

- ² См.: *Виксне Р.* Уничтожение евреев в Ауце в июле 1941 г. // Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф., Рига, 16—17 сент. 2003 г. Рига, 2005. С. 381—399.
- ³ *Ezergailis A.* Holokausta vācu okupētajā Latvijā, 1941.—1944. R., 1999. 45. lpp.
- ⁴ *Latvijas ārlietu dienesta darbinieki, 1918—1991: Biogr. vārdnīca / Sast. Ē. Jēkabsons, V. Ščerbinskis.* R., 2003. 33. lpp.
- ⁵ «Перконкрустс» (латыш. «Громовой крест») — политическая организация в Латвии (образовалась из основанной в 1922 г. организации «Латышский национальный клуб»), включала главным образом студенческую молодежь (руководитель Г. Целминьш). Программа и атрибутика были заимствованы у итальянских фашистов и немецких нацистов. В 1934 г. была запрещена латвийскими властями. В начале нацистской оккупации (июнь 1941 г.) возобновила свою деятельность, и ее члены добровольно участвовали в массовых расправах над советскими активистами и евреями; в августе 1941 г. была запрещена оккупационными властями, а ее члены влились в нацистский репрессивный аппарат. — *Ред.*
- ⁶ См.: *Latvijas Republikas Ministru kabineta sēžu protokoli, 1940. g. 16. jūn. — 19. jūl. R., 1991.* 123. lpp.
- ⁷ Латвийский государственный исторический архив, ф. 3404, оп. 1, д. 554, л. 19—20, 34—37.